

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
(ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП)
2021-2022 учебный год
10 класс

Уважаемый участник олимпиады!

Вам предстоит выполнить задания олимпиады. Время выполнения заданий – 5 академических часов (225 минут).

Выполнение письменных заданий целесообразно организовать следующим образом:

- не спеша, внимательно прочитайте задание и критерии оценивания;
- обдумайте и сформулируйте ваш ответ и запишите его в **тетрадь**;
- не забывайте, что есть задание, в котором единственно верного ответа нет – важнее, чтобы ответ соответствовал заданию и критериям, опирался на анализ художественного текста, знание литературного материала и терминологии, а ваша точка зрения была убедительной и аргументированной; – после выполнения всех предложенных заданий обязательно проверьте себя.

Желаем успехов!

Максимальная оценка – 95 баллов

Задание 1

Назовите имена персонажей, ведущих этот диалог. Укажите название пьесы и её автора.

«... Позвольте, Лариса Дмитриевна, попросить вас осчастливить нас! Спойте нам какой-нибудь романс или песенку! Я вас год не слышал, да, вероятно, и не услышу уж более.

- ... Позвольте и мне повторить ту же просьбу!
- ... Нельзя, господа, нельзя. Лариса Дмитриевна не станет петь.
- ... Да почём ты знаешь, что не станет.
- ... Извините, господа, я и не расположена сегодня и не в голосе. <...>
- ... Нет, нет, и не просите, нельзя я запрещаю. <...>
- ... Вы запрещаете? – так я буду петь, господа (*Поёт*)
- ... Велико наслаждение видеть вас, а ещё больше наслаждение слушать вас.
- ... (*с мрачным видом*). Мне кажется, я с ума сойду. (*Целует руку Ларисы.*)».

Количество баллов – 5.

Задание 2

Какой город представлен в каждом из приведённых ниже фрагментов? Укажите произведение и автора.

1. «На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду извёстка, леса, кирпич, пыль. Нестерпимая же вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшие, несмотря на обедне время, довершили отвратительный и грустный колорит картины».
2. «... - самый скверный городишко из всех приморских городов России... После долгого странствования по грязным переулкам, где по сторонам я видел одни только ветхие заборы, мы подъехали к небольшой хате, на самом берегу моря. Берег обрывом спускался к морю почти у самых стен её, и внизу с непрерывным ропотом плескались тёмно-синие волны».
3. «Там шпиц эдакой какой-нибудь в воздухе; мосты там висят эдаким чёртом, можете представить себе, без всякого, то есть, прикосновения, - словом, Семирамида, судырь! Стеклашки в окнах, можете себе представить, полуторасаженные зеркала, так что вазы и всё, что там ни есть в комнатах, кажутся как бы внаруже; драгоценные мраморы на стенах, металлические галантереи. Один швейцар уже смотрит генералиссимусом».

Количество баллов – 6.

Задание 3

Перед вами – заключительные строки известных стихотворений русских поэтов. Напишите первые строчки этих произведений, укажите автора.

1.

И лишь румяней стала

Наперекор врагу.

2.

То сердце не научится любить,

Которое устало ненавидеть.

Количество баллов – 4.

Задание 4.

В приведённом высказывании отражены наиболее значимые художественные элементы формы и содержания творчества известного вам писателя. Определите, о ком идёт речь?

« Иные сравнивали <...> с Ломоносовым; но что между ними общего? Одно: тот и другой писали оды. Род, избранный ими, иногда одинаков, но дух поэзии их различен. Ломоносов в стихах своих более оратор, <...> всегда и везде поэт. И тот и другой бывают иногда на равной высоте; но первый восходит постепенно и с приметным трудом, другой быстро и неприметно на неё возлетает. Ломоносов в хороших строфах своих плывет величавым лебедем; ... парит смелым орлом. Один пленяет нас стройностью и тишиною движений; другой поражает нас неожиданными порывами: то возносится к солнцу и устремляет на него зоркий и постоянный взгляд, то огромными и распушенными крылами рассекает облако и, скрываясь в нём как бы с умыслом, является изумлённым нашим глазам в новой и возрождённой красоте. Ломоносова читатель неподвижен; <...> увлекает, уносит его всегда за собою. <...> певец всех веков и всех народов!»

(По П. Вяземскому)

Количество баллов – 1

Задание 5

Ответьте на каждый из поставленных вопросов «да» (если утверждение верно) или «нет» (если утверждение неверно).

1. Кульминация – это главный образ литературного произведения.
2. Реализм – понятие, противоположное понятию «фантастика».
3. Символизм – это выразительное средство поэтического языка.
4. Эпические произведения могут быть написаны как стихами, так и прозой.
5. В строке «На берегу пустынных волн» (А. С. Пушкин) есть метонимия.
6. Если в стихотворной строке имеется 4 ударения, она называется четырёхстопной.
7. Строка «Не дорого ценю я громкие права» написана двусложным стихотворным размером.
8. Сказ – жанр древнерусской литературы.

Количество баллов – 8

Задание 6

Определите стихотворный размер отрывка.

И гордый Демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня.
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда.
И, дав предчувствие блаженства,
Не даст мне счастья никогда.

(М. Ю. Лермонтов)

Количество баллов - 1

Задание 7

Проведите целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)

Вариант №1

Выполните целостный анализ произведения, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: жанр произведения, смысл его названия и тематика, особенности сюжета и композиции, система персонажей, образ главного

героя, художественные приёмы, использованные автором, роль диалогов в раскрытии идейного содержания произведения, особенности авторского стиля.

Предложенные для анализа направления носят рекомендательный характер. Вы можете выбрать собственный путь анализа.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Сергей Носов

Проба

Лестница была и темной, и узкой, но могла бы и потемнее, и поуже быть для такого особого случая; окна выходили во двор, сравнительно светлый, он знал, что освещенностью двор был обязан высоте дома — всего-то три этажа, и, бросив взгляд на лестничное окно, решил, что преобразует дом в огромный, высокий, перенаселенный мастерским людом. Он бывал здесь не раз и хорошо знал эту лестницу, но сейчас, медленно поднимаясь по ней, он рассматривал эти перила, стены и двери, словно никогда не видел ничего подобного. Он почувствовал, что волнение с каждым шагом растет, и, прислушиваясь к ударам сердца, подумал, что так и должно быть, что это и есть самое верное, настоящее. Он не стал торопиться звонить в квартиру — несколько секунд стоял перед дверью, сосредотачиваясь, а когда покрутил ручку звонка, с радостью отметил ту его особенность, что не зазвенело вовсе и даже не забрэнчало, а точным будет сказать, забрякало, словно не медным был звонок, а стальным. Он вздрогнул. Точнее, он представил, что вздрогнул. Раньше он не обращал на этот звонок никакого внимания, а сейчас подумал, что бряканье это — совершенно особенный звон, обязанный что-то ему напомнить. Боясь испортить впечатление, не стал повторять, хотя времени уже прошло больше минуты. Стоя перед дверью, несколько раз переступил с ноги на ногу, прикидывая, как бы он стоял с топором и, если бы топор был, как бы лучше его было припрятать под верхней одеждой — под пальто, — когда бы на нем было пальто, а не пропитанный балтийской влагой плед, одолженный ему в Копенгагене.

Дверь чуть-чуть приотворилась, и он увидел в узкую щель недоверчивые глазки жильца. Нарочно не стал называться, чтобы жилец рассмотрел его сам. И сам со своей стороны продолжал внимательно следить, как его пытаются рассматривать. Дверь, наконец, отворилась.

— Федор Михайлович, вы ли это?

— Здравствуйте, Александр Карлович.

Он переступил порог.

— Давно ли вернулись, Федор Михайлович?

— Только что. Час назад еще на пристани был.

— И сразу ко мне?

— И сразу к вам.

Он оглядел прихожую.

— Смотрю, перегородку сняли.

— Помилуйте, Федор Михайлович, не было перегородок.

— Разве? — а сам подумал: — Не помешала бы перегородка.

Ему понравилось, что Готфридт глядит на него вопросительно. Не понравилось, что так легко оказался узнаваемым. Решил прикинуться, будто думает, что его не за того принимают: за какого-то другого Федора Михайловича. Захотелось посмотреть, как будет.

— Да я к вам приходил как-то... по одному дельцу, может быть, не забыли...

— Как же можно? — изумился Александр Карлович. — Как забыть можно, Федор Михайлович? И не раз приходили. Да что же вы такое говорите...

От неподдельного изумления Александр Карлович будто даже выпрямил спину, так что неисправимая сутулость его чуть ли не сгладилась до неузнаваемости, но тут он порывисто вздохнул, подчиненный силам неведомого натяжения, не дающим сутулому телу потерять прежнюю форму, и вновь стал похож на себя. По этой сутулости, наводящей на мысли о горбе, и особенно по тусклому, подслеповатому взгляду иной кто-нибудь мог бы предположить в нем часовщика — и не сильно ошибся бы, но Достоевский сейчас хмуро глядел определенно на лысину, как-то уж слишком откровенно себя предоставляющую — как-то глупо, дурашливо — под вероятный удар. Не то, не то. Совершенно не то.

Александр Карлович отступил в сторону, пропуская Федора Михайловича в комнату, ярко освещенную заходящим солнцем. «И тогда, стало быть, так же будет солнце светить!..» — как бы невзначай мелькнуло в уме Достоевского, и эта нечаянная мысль ему определенно понравилась. Он быстрым взглядом окинул все в комнате, чтобы по возможности изучить и запомнить расположение. Мебель его устраивала не вполне — дубовая, резная, точно с претензией, он хотел бы попроще — и шкаф, и диван, и овальный стол, и стулья вдоль стены, и чтобы все на солнце сверкало желтизной, как эти рамки на стенах. Картинки в них были по-своему хороши: какие-то девушки с голубыми — вот это дело.

Его бы устроил грубый вопрос «что угодно?», но Александр Карлович деликатно молчал.

— Заклад принес, вот-с! — и он вынул из кармана золотые часы.

Вероятно, Александра Карловича что-то смутило в интонации Федора Михайловича, потому что прежде, чем взять в руки часы, он недоверчиво покосился на бороду Достоевского.

— А вы про булавку золотую, — обратился он к бороде, — не забыли свою? Она с апреля лежит.

Смысла в напоминании не было — срок булавке в феврале только. Александр Карлович этими ни к чему не обязывающими словами, вероятнее всего, выказывал гостю благорасположение, но Достоевский счел нужным в них услышать упрек.

— Я вам проценты внесу, потерпите.

И быстро подумал за ростовщика сам, как если бы это тот хотел так сказать:

«А терпеть мне или вещь вашу по сроку продать, это уже моя, батюшка, воля».

Фраза удалась — безжалостная, жесткая; чтобы не забыть ее, Федор Михайлович про себя повторил теми же, не меняя их последовательности, словами. Из уст Александра Карловича он между тем услышал другие слова:

— Не извольте беспокоиться. Еще сроку полгода. Будет срок, тогда и поговорим.

Взяв часы тремя пальцами за цепочку, Готфрид продолжал их держать на весу, с кислым выражением на лице, словно сомневался, надо ли связываться с этим закладом. От внимания Федора Михайловича не ускользнула чернота на кончиках пальцев Александра Карловича — наверное, у всех ювелиров так въедается пыль в кожу. Деталь, надо признать, недурная. Только не для этой истории. Для этой истории ювелир на роль ростовщика не подходит никак. Сколько же можно убивать ювелиров и их кухарок?

— Много ль за часы-то, Александр Карлович?

Поскольку Александр Карлович не спешил с ответом, Федор Михайлович осторожно попытался ему подсказать — навести на желанную мысль:

— С пустяком ведь пришел, не правда ли? Или вы не так думаете, Александр Карлович? Почитай, ничего не стоят, да? Так ведь думаете, да? Сознаться, что так.

— Почему ж ничего...

Готфрид открыл часы.

— Были бы серебряные, вы бы и двух рублей не дали...

— Только они не серебряные.

— А пришел бы другой кто-нибудь, принес бы серебряные... студент какой-нибудь... серебряные, отцовские...

— Только они золотые.

— Полтора бы дали рубля... За серебряные.

— Тридцать восемь рублей, — произнес Александр Карлович; похоже, разговор ему не нравился.

— Тридцать восемь рублей! — воскликнул Федор Михайлович с такой поспешностью, словно только и ждал этого. — Вот! Вот и я про то же!.. В Висбадене мне за них втрое больше давали...

— Вы из Висбадена? — оживился Готфридт, он был рад сменить тему. — Как вам Висбаден?

— Не спрашивайте, — сказал Достоевский. — Омерзителен ваш Висбаден.

— Висбаден, Висбаден, — покачал головой Готфридт.

Достоевского передернуло:

— Да, и что? Да, Висбаден, да, я проиграл, да, в рулетку!

Слышал, как сам прислушивается к себе: все одно к одному — быть припадку. Но не сейчас. Выражение сочувствия, было появившееся на лице Александра Карловича, сменилось выражением недоверия.

— Часы-то выкупили, впрочем.

— Люди хорошие везде помогут, — быстро проговорил Достоевский.

Он бы не стал продолжать, но Готфридт молчал, выжидательно склонив голову набок, словно знал, что рассказ воспоследует непременно.

— Меня бы тут иначе не было, — Федор Михайлович неожиданно хлопнул в ладоши. — А я еще в Копенгаген сплавал, у старого друга гостил. Да что деньги? Знали бы вы, какой я роман пишу!.. Неделю на корабле только тем и занимался, что романом своим!.. У меня только он в голове, даже сплю когда!.. Даже когда с вами разговариваю!..

Федор Михайлович засмеялся, да так, что Александр Карлович зримо поежился.

— Мне Катков аванс выписал, триста рублей!.. Их в Висбаден послали, только я уже в Копенгаген уплыл, переслали обратно, сюда... в Петербург. Вам не представить, Александр Карлович, я домой возвращаюсь, а меня триста рублей ожидают...

— Зачем же вы тогда ко мне пришли с часами-то золотыми?

— Да вот пришел, — ответил Федор Михайлович. — Мало ли зачем. Затем и пришел, что пришел. На пробу пришел.

— На что? — не понял Готфридт.

— На пробу. Неважно на что. На вас посмотреть.

Александр Карлович почтительно кивнул, словно намекнул на поклон.

— Между прочим, насчет вашей фамилии... Готфридт, это ж по-русски «богобоязненная» будет или не так?

— Почему ж «богобоязненная»? Я ведь не женщина.

— Разумеется. Но были бы женщиной, были бы «богобоязненной» само собой. А так, понятно, мужчина.

«Да, да, и чтобы деньги на упокой души копила — пожертвовать в монастырь», — обрадовался Достоевский.

— Достоевский фамилия тоже интересная, — произнес Александр Карлович с таким видом, словно отвечал на любезность любезностью. — Так про что же ваш новый роман?

Но охота о себе рассказывать у Федора Михайловича пропала уже.

— Да так, — нехотя произнес Достоевский, — молодой человек становится пленником своей же идеи. Вам, думаю, неинтересно. Тридцать восемь, ну что ж! На четыре месяца, хорошо?

Готфридт достал из кармана кольцо с ключами и пошел в другую комнату — дверь за собой он оставил открытой. Вместо двери Федор Михайлович представил кольшущуюся занавеску. Он услышал, как Готфридт открывает комод; вообразил: верхний ящик. Ему захотелось увидеть собственными глазами, он подошел к двери. «Вот, — сказал себе Федор Михайлович, — самое главное». Взгляду его предстала неподвижная спина, сейчас она казалась особенно узкой, потому что в виду большого комода притязала заслонить от глаз Достоевского сразу все. Готфридт, приоткрыв ящик, ждал не шевелясь. Достоевский стоял и смотрел. Комод был заставлен статуэтками весь. Федор Михайлович отчетливо видел, что голову Александр Карлович вбирает в плечи, будто опасается нападения сзади. Вдруг он резко обернулся и посмотрел на стоящего в дверях Достоевского. В его глазах отразился испуг. «Статуетки — лишнее», — решил

Федор Михайлович, отступив назад в комнату — поближе к двери в переднюю, и замер на месте. Оба молчали, не шевелились, не издавали ни звука.

Так минута прошла, другая.

— Триста рублей это только аванс, — произнес Достоевский как можно небрежнее.

Скрипнул ящик комода, и снова воцарилась тишина. Достоевский услышал, как Готфрид идет по паркету. «А сейчас он укладку достает», — подумал Федор Михайлович, вспомнив ключ с зубчатой бородкой, превосходящий размером другие ключи.

Он весь обратился в слух, Готфрид явно опасался шумных движений. С улицы донесся выкрик извозчика. Достоевский поглядел под ноги: пол поблескивал, так был натерт. Однако кто ему натирает? Вряд ли сам.

То ли вспомнилось, то ли тут же придумалось — про чистоту: чем серьезнее относишься к чистоте, тем больше ты скупердай. Усмехнулся. Поглядел на дощатый пол в передней. Темная охра. Готфрид возвратился в комнату к Достоевскому, он держал деньги в руке и сердито смотрел на Федора Михайловича, ожидая от него каких-то слов. Достоевский молчал и ждал, что скажет Готфрид.

— Вы любите Шиллера? — спросил Готфрид.

— Да, — поморщился Достоевский. — «Разбойники» — из любимых. — И чтобы покончить с литературой, спросил: — А вы не боитесь?

Готфрид вскинул брови.

— После того случая, — сказал Достоевский.

— После которого?

— Молодой человек убил ювелира и его кухарку. Ювелир тоже закладчиком был. Вы же читали в «Голосе»?

— А вы где читали? На корабле?

— У вас есть кухарка? — спросил Достоевский.

— Я выпишу квитанцию, — Александр Карлович подошел к столу. — Условия вам известны — пять процентов. Другие десять копеек с рубля берут. А я — пять. Почему вы спросили о моей кухарке?

— А сестра? — спросил Достоевский. — У вас должна быть сестра.

— Почему вы спрашиваете о моей сестре?

— Вы ведь тоже ювелир?

— Вы прекрасно знаете, что я ювелир. Зачем этот вопрос, Федор Михайлович?

— Вот я и спрашиваю: вы не боитесь?

— Разве я сумасшедший, чтобы вас бояться, Федор Михайлович?

— Почему же меня?

— А кого?

— Того, кто мог бы быть вместо меня.

— Вот расписка. Я вас плохо понимаю сегодня.

Достоевский ушел.

Предчувствия не обманули: ближе к ночи у себя на Столярном подвергся припадку — одному из самых тяжелых. Смог встать из-за стола — и упал в бесконечность. Потом, когда тело налилось утроенной тяжестью и когда понял, что все позади, шарил рукою по полу, зачем-то ища половик, и не знал, сумеет ли подняться на ноги. Тетрадь рядом лежала. Мысль была о Луне. Была ли полной Луна.

Эта ночь и другим показалась тяжелой.

Ограбили лавку в Апраксином. К дровяной пристани на Фонтанке течением прибило труп.

Зато не было ни одного пожара.

Луны полной не было тоже.

Что до пожаров, это чудо, что свечи потухли, когда подсвечник упал, — он, должно быть, бил ногой этажерку. Достоевский искал опоры подняться. Руки тряслись. Был сон Готфридту. Длинный тягостный сон, который и забылся уже во сне — весь, кроме финала.

В какой-то момент он как будто проснулся во сне, пробудился от прежнего тяжелого, невнятного, гиблого сна и очутился в зримом, предельно выразительном — в новом. Что-то случилось ужасное, необъяснимое, резкое — и вот вроде бы он у себя дома, но не совсем у себя, да и кто бы верно ответил: у себя ли во сне? Все как-то так, но не так. Он догадывается, что лежит на полу, он не может пошевелиться, члены не слушаются его, и все же он видит, что происходит в комнате. Готфридт видит комод с выдвинутыми ящиками, видит незнакомого человека лет двадцати — в расстегнутом пальто: он стоит на коленях и роется в продолговатом сундучке. Готфридт знает, что сундучок этот выдвинут из-под кровати, у Готфридта не такая кровать, и он не укладывает подушки башенкой, и сундучок не его, нет у него такого, но он узнает свои мелкие ключи на металлическом кольце, вдетом в ухо большого ключа, торчащего из замка на откинутой выпуклой крышке. Он понимает, что вещи, которые тот человек яростно перебирает, это его вещи. «Это мои», — пытается сказать Готфридт, но язык не подчиняется ему. И тогда слышится уверенный голос: «Это мои», — отчего Готфридт цепенеет еще сильнее. У окна стоит Федор Михайлович, не по сезону в летнем костюме (потому что осень сейчас), и глядит мимо куда-то. Готфридту кажется, что молодой человек сейчас убьет Достоевского, и он собирается Достоевского предупредить, с трудом разжимая зубы, но тот молодой человек не замечает ничего ровным счетом — только роется в сундучке. Вот достал заячью шубку. «Это моя», — говорит Достоевский, глядя в сторону. — Заложил через Прасковью Петровну». «Позвольте, — хочет возразить Готфридт, — то ж пальто было, если через Прасковью Петровну, ватное». Вместо слов своих он слышит мычание, не более того. «Было ватное пальто, — отвечает Достоевский с неприятной ухмылкой, — стала заячья шубка». Он как будто мысли читает и по-прежнему глядит в сторону, в никуда. В руках человека появились часы на цепочке. «Мои, золотые», — говорит Достоевский. Готфридт хочет снова ему возразить: раз не выкупленные, значит все-таки его не совсем, а если прямо сказать: совсем не его. А тот человек извлекает булавку. «Моя. Золотая, с брильянтом. Десять рублей серебром», — произносит торжественно Федор Михайлович. Готфридт хочет поправить: «В феврале все пятнадцать будут». А молодой человек торопливо набивает карманы цепочками, лентами и браслетами, и Готфридт понимает, что они с Федором Михайловичем заодно и оба против него, лежащего на полу почему-то. И видит он, что на шубке на заячьей крови, и простынка, отчего-то лежащая на полу, вся в крови, и кровь на руках того человека. «Это моя», — думает Готфридт, понимая, что думает вслух наконец, и чувствует, как в мозгу его болью глухой разбухает какая-то невыразимая тоска. «Это моя», — отзывается Федор Михайлович хриплым эхом, и подходит к нему, и, приблизив лицо, едва не касаясь его бородой, произносит вприщурку: «Успокойся, голубушка. Мертвая, а как будто живешь. Без тебя разберутся. Прощай». Готфридт проваливается в темноту, чтобы тут же проснуться в холодном поту. Ему нечем дышать. Боль в голове, словно ее раскололи. Силы нет закричать. Сердце бешено бьется, а мысль только одна: живая, живая. Живой.

2015 г.

Вариант №2

Выполните целостный анализ стихотворения, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: тема и идейное содержание стихотворения, смысл названия, особенности формы стихотворения, роль лексических средств выразительности, синтаксическое и метрическое своеобразие стихотворения, особенности авторского стиля.

Предложенные для анализа направления носят рекомендательный характер. Вы можете выбрать собственный путь анализа.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Владимир Луговской

Звезда

Звезда, звезда, холодная звезда,
К сосновым иглам ты все ниже никнешь.
Ты на заре исчезнешь без следа
И на заре из пустоты возникнешь.

Твой дальний мир — крылатый вихрь огня,
Где ядра атомов сплавляются от жара.
Что ж ты глядишь так льдисто на меня —
Песчинку на коре земного шара?

Быть может, ты погибла в этот миг
Иль, может быть, тебя давно уж нету,
И дряхлый свет твой, как слепой старик,
На ощупь нашу узнает планету.

Иль в дивной мощи длится жизнь твоя?
Я — тень песчинки пред твоей судьбою,
Но тем, что вижу я, но тем, что знаю я,
Но тем, что мыслю я, — я властен над тобою!

1956 г.

Количество баллов – 70